

ДЕЛО «ЛЕСНИК ПРОТИВ СЛОВАКИИ»

(Lesnik vs. Slovakia)

Постановление Суда от 11 марта 2003 г.

Данное постановление становится окончательным при обстоятельствах, изложенных в п. 2 статьи 44 Конвенции. Оно может подвергаться редакционной правке.

В деле «Лесник против Словакии»,

Европейский Суд по правам человека (Четвертая секция), заседая в виде Палаты, составленной из следующих членов:

сэр Николас Братца, *Председатель*,

г-н М. Пеллонпаа,

г-жа В. Стражницка,

г-н М. Фишбах,

г-н Р. Марюст,

г-н С. Павловски,

г-н Л. Галицки, *судьи*,

и г-н М. О'Бойль, *Секретарь секции*,

Проведя 17 декабря 2002 г. и 4 февраля 2003 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее решение, которое было принято 4 февраля 2003 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 35640/97) против Словацкой Республики, поданной в Европейскую комиссию по правам человека («Комиссию») согласно статье 25 прежней редакции Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенции») 10 марта 1997 г. г-ном Алексеем Лесником («заявителем»), гражданином Словакии.
2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представлял г-н Й. Хрубала, - адвокат, практикующий в Банска-Бистрице. Представителем правительства Словацкой Республики («Правительства») был г-н П. Вжански.
3. Заявитель утверждал, в частности, что в результате осуждения его за высказывания в адрес прокурора было нарушено его право на свободу выражения.

4. Жалоба была передана в Суд 1 ноября 1998 г., когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (п. 2 статьи 5 Протокола № 11).
5. Жалоба была передана во Вторую Секцию Суда (п. 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции в соответствии с п. 1 правила 26 Регламента Суда была образована Палата, которой предстояло рассмотреть данное дело (п. 1 статьи 27 Конвенции).
6. 1 ноября 2001 г. Суд изменил состав своих Секций (п. 1 правила 25). Данное дело было передано новому составу Четвертой Секции.
7. Решением от 8 января 2002 г. Суд объявил жалобу частично приемлемой.
8. Заявитель и Правительство представили свои соображения по существу дела (п. 1 правила 59). После проведения консультаций со сторонами Палата решила, что в проведении слушаний по существу дела необходимости нет (заключительная часть п. 2 правила 59).

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель родился в 1940 г. и проживает в г.Кошице. Он занимается бизнесом.
10. 2 декабря 1991 г. заявитель обратился в городскую прокуратуру Кошице с ходатайством о возбуждении уголовного дела в отношении Х., - бизнесмена из Чешской Республики, которого он подозревал в мошенничестве. Ходатайство было рассмотрено различными органами, однако уголовное дело возбуждено не было.
11. 4 декабря 1992 г. заявитель пожаловался в полицию, что двое неизвестных оставили на дверях его квартиры записку, в которой было сказано, что ему переломают руки, если он не «перестанет писать». 13 апреля 1993 г. заявитель сообщил в полицию, что неизвестным был произведен выстрел в окно его квартиры. Он заявлял, что подвергается преследованию из-за того, что написал ряд статей о некоторых бывших членах коммунистической партии. Впоследствии заявителю было сообщено, что полиция не смогла установить личность злоумышленников.
12. 5 апреля 1993 г. заявитель обратился к руководителю Кошицкого телекоммуникационного управления с жалобой на то, что после смены АТС телефонные разговоры в его агентстве часто прерывались. Заявитель утверждал, что перед разъединением в телефонной трубке слышался шум, похожий на тот, что некогда наблюдался в тех случаях, когда телефонные разговоры прослушивались коммунистической тайной полицией. Он потребовал принять меры к исправлению сложившейся ситуации.
13. 10 июня 1993 г. полицейский следователь возбудил против заявителя уголовное дело на том основании, что он подозревается в краже имущества у Х. Это решение базировалось на письменном запросе районного прокурора г.Семили из Чешской Республики.
14. 1 ноября 1993 г. заявитель обратился к областному прокурору Кошице с просьбой прекратить возбужденное против него уголовное дело. В своем письме заявитель, без предоставления дальнейших деталей, жаловался на то, что занимавшийся его делом

полицейский следователь получал сведения о нем путем незаконного прослушивания его телефона. Он требовал возбудить в отношении неизвестного лица или лиц уголовное дело за незаконное прослушивание телефона.

15. 6 декабря 1993 г. заявитель направил письмо П., - прокурору 1-го округа Кошице. В письме, *среди прочего*, содержались следующие утверждения:

«Поскольку вам, товарищ прокурор, не удалось добиться своих целей в одной области, вы без устали продолжаете, в полном соответствии с практикой агентов [бывшей] государственной безопасности, фабриковать [против заявителя] другое дело, как вас тому учили во времена так называемого безошибочного социалистического законодательства. В этой связи могу уверить вас, что я не преклонялся перед высокими представителями бывшей политической системы и, в особенности, перед агентами [бывшей] государственной безопасности, которые уделяли моей скромной персоне не меньше внимания, чем вы теперь. Никому не удастся запугать меня, а уж менее всего таким людям, как вы - человек с сомнительным прошлым, не говоря о других [ваших] качествах...

И отнюдь не только мой прежний опыт руководства детективным агентством не позволяет мне ассоциировать вас с такими понятиями, как объективность, профессионализм и законопослушность. Поэтому мне хотелось бы напомнить вам по этому поводу, что вы тоже обязаны подчиняться закону, невзирая на то, что, возможно, вы считаете себя... всемогущим владыкой Татрских гор и долины реки Ваг, и, в качестве такового - вне досягаемости кого-либо еще, ибо теперь вы находитесь под защитой товарища [М.]... Злоупотребление законами может иметь для вас самые неприятные последствия. Пока же я ограничусь упоминанием лишь некоторых злоупотреблений, которые не требуют никакого комментария».

16. Далее в письме заявитель утверждал, что адресат несет ответственность за отклонение выдвинутых заявителем против Х. обвинений и за возбуждение уголовного дела в отношении заявителя в 1993 г., а также то, что он отдал незаконное распоряжение о прослушивании телефона заявителя.

17. П. передал письмо своему непосредственному начальнику, областному прокурору Кошице. В письме от 17 марта 1994 г. последний сообщил заявителю, что не было установлено того, что П. отдал распоряжение о прослушивании телефона заявителя или совершил иные противоправные действия.

18. Тем временем, 7 марта 1994 г. заявитель обратился к Генеральному прокурору с жалобой на то, что П. превысил свои служебные полномочия. В письме, *в числе прочего*, говорилось:

«[П.] удовлетворил просьбу [адвоката Х.]... не возбуждать в Словакии уголовного дела в отношении Х., несмотря на наличие достаточных оснований для возбуждения такого преследования... Конечно же, определенную роль в этом сыграли деньги, которые Х. заплатил для прикрытия своей мошеннической деятельности. Таким образом, представляется целесообразным провести расследование того, а не имело ли место в данном случае [такое преступление, как взяточничество]...

После получения... угрозы... от... следователя 1-го Следственного управления Кошице в рамках производства по делу Х. ... 10 июня 1993 г. я направился в вышеуказанное управление. После того, как я отклонил предложенное мне «соглашение», [следователь],

бывший агент государственной безопасности, обвинил меня в краже [имущества] Х. в 1991 г. Таким образом, с 1991 г. [П.] не желал возбуждать против Х. судебное преследование, но сфабриковал с помощью полицейского следователя, которого легко можно было шантажировать, уголовное дело против меня с намерением отомстить мне за выдвинутые мною обоснованные обвинения в его адрес. [П.] сделал это вопреки [соответствующим положениям Уголовно-процессуального кодекса], потому что до сих пор... [у компетентных органов] отсутствуют доказательства, из которых можно было бы с достаточной долей уверенности заключить, что я что-либо украл у Х. В дальнейшем я осознал, что мой телефон, использовавшийся также моим детективным агентством, поставлен на прослушивание в нарушение статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса».

19. По ходатайству П. Генеральная прокуратура дала согласие на возбуждение в отношении заявителя уголовного дела по обвинению в оскорблении прокурора. Дело было передано прокурору в Липтовски-Микулаше. 2 июня 1994 г. заявителю было предъявлено обвинение в оскорблении государственного должностного лица в его вышеупомянутых письмах от 6 декабря 1993 г. и 7 марта 1994 г.

20. В письме от 5 сентября 1994 г., адресованном в областную прокуратуру Кошице, заявитель высказал мнение, что целью преследования, которому он подвергался в 1992 г. и 1993 г., было заставить его отозвать свои обвинения против Х. Заявитель потребовал назначить расследование.

21. В сентябре 1994 г. газета «*Нецензуrowанe новини*» (*Necenzurovane noviny*) опубликовала статью третьего лица, в которой подробно описывалось дело заявителя. Статья была озаглавлена «Как красная чума хозяйничает в Восточной Словакии» и включала в себя выдержки из вышеуказанных писем заявителя. В соответствующих частях статьи говорилось:

«...По этой причине районная прокуратура в Липтовски-Микулаше начала 2 июня 1994 г. преследование г-на А. Л. [заявителя]. Чтобы дать читателю представление о том, что возможно в [Словакии], я процитирую текст, который, по мнению прокурора [Л.], образует состав уголовного преступления.

В своем письменном обращении от 7 марта 1994 г., адресованном Генеральному прокурору в Братиславе, [заявитель] утверждал в отношении [прокурора П.], что тот умышленно неправильно вел уголовное дело [Х.], чтобы «удовлетворить просьбу своего друга [М.] из Кошице, бывшего председателя городского суда Кошице, занимавшего ключевое положение в городском комитете Коммунистической партии Словакии, а в настоящее время являющегося адвокатом [Х.], не возбуждать в Словакии уголовного дела в отношении [Х.], несмотря на наличие достаточных оснований для возбуждения такого преследования. Конечно же, определенную роль в этом сыграли деньги, которые [Х.] заплатил для прикрытия своей мошеннической деятельности. Таким образом, представляется целесообразным провести расследование того, не подпадают ли имеющиеся факты под статьи 161 и 162 Уголовного кодекса [в которых речь идет о даче и получении взяток]».

В том же обращении [заявитель] писал: «Впоследствии я обнаружил, что мой телефон, использовавшийся также моим детективным агентством, поставлен на прослушивание в нарушение статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса».

В письменном обращении, датированном 6 декабря 1993 г. и адресованном прокурору П., [заявитель] утверждал, в том числе, следующее: «Поскольку вам, товарищ прокурор, не

удалось добиться своих целей в одной области, вы без устали продолжаете, в полном соответствии с практикой агентов [бывшей] государственной безопасности, фабриковать другое дело, как вас тому учили во времена так называемого безошибочного социалистического законодательства. В этой связи могу уверить вас, что я не преклонялся перед высокими представителями бывшей политической системы и, в особенности, перед агентами [бывшей] государственной безопасности, которые уделяли моей скромной персоне не меньше внимания, чем вы теперь. Никому не удастся запугать меня, а уж менее всего таким людям, как вы - человек с сомнительным прошлым, не говоря о других [ваших] качествах».

Далее в этом обращении [заявитель] говорил: «И отнюдь не только мой прежний опыт руководства детективным агентством не позволяет мне ассоциировать вас с такими понятиями, как объективность, профессионализм и законопослушность. Поэтому мне хотелось бы напомнить вам по этому поводу, что вы тоже обязаны подчиняться закону, невзирая на то, что вы, возможно, считаете себя... всемогущим владыкой Татрских гор и долины реки Ваг, и в качестве такового - вне досягаемости кого-либо еще, ибо теперь вы находитесь под защитой товарища [М.]... Злоупотребление законами может иметь для вас самые неприятные последствия. Пока же я ограничусь упоминанием лишь некоторых злоупотреблений, которые не требуют никакого комментария».

Таким образом, на основании данных высказываний прокурор [Л.] по указанию [Генерального прокурора] возбудил судебное преследование в отношении г-на А. Л. Такая несправедливость не может оставить равнодушным ни одного порядочного человека».

22. 7 ноября 1994 г. заявитель сообщил прокурору в Липтовски-Микулаше, что в его намерения входило критиковать П. за его неподобающие действия, но никак не оскорблять его. Далее заявитель уведомил занимавшегося этим делом прокурора, что он не писал никаких газетных статей по этой теме, но всего лишь предоставил автору статьи соответствующие документы.

23. 8 ноября 1994 г. областной прокурор Кошице передал в районную прокуратуру в Липтовски-Микулаше документ, в котором, со ссылкой на соответствующий реестр, указывалось, что прокурор 1-го округа Кошице не давал распоряжений о прослушивании телефона заявителя между 1992 и 1994 гг.

24. 23 ноября 1994 г. в районном суде Липтовски-Микулаша районной прокурор Липтовски-Микулаша выдвинул против заявителя обвинение в оскорблении государственного должностного лица. 25 ноября 1994 г. районной суд Липтовски-Микулаша по соображениям юрисдикции передал дело в суд 1-го округа Кошице. Поскольку прокурор, которого затрагивали высказывания заявителя, отвечал за тот же самый округ, 9 марта 1995 г. областной суд Кошице передал дело на рассмотрение в районной суд Требишова.

25. 25 апреля 1995 г. районной суд Требишова издал судебное распоряжение, в котором признал заявителя виновным в нападках на государственное должностное лицо, на том основании, что в своих вышеупомянутых письмах от 6 декабря 1993 г. и 7 марта 1994 г. тот оскорбил прокурора. Суд приговорил заявителя к лишению свободы сроком на четыре месяца с отсрочкой исполнения наказания на годичный испытательный срок.

26. Заявитель оспорил это распоряжение. Дело было передано другому судье. 25 июня 1996 г. районной суд Требишова осудил заявителя по статье 156 (3) Уголовного кодекса за оскорбление государственного должностного лица и приговорил его к лишению свободы

сроком на четыре месяца с отсрочкой исполнения наказания на годичный испытательный срок. В судебном решении, в частности, говорилось, что в своих письмах заявитель утверждал, что прокурор умышленно действовал ненадлежащим образом в отношении поданного заявителем в 1991 г. ходатайства о возбуждении уголовного дела в отношении Х.; что прокурор поступал так по просьбе представлявшего Х. адвоката; и что Х. заплатил за это некую денежную сумму. Районный суд также указал, что заявитель обвинял П. в нежелании удовлетворить его сообщение о совершенном преступлении и в том, что он приказал возбудить уголовное дело в отношении заявителя и распорядился организовать незаконное прослушивание его телефона.

27. Далее в судебном решении говорилось, что заявитель не показал, что прокурор, о котором идет речь, действовал не в соответствии с законом. Поэтому Суд заключил, что обращения заявителя носили клеветнический характер и были грубо оскорбительными.

28. Районный суд не согласился с доводами заявителя, что единственной целью его писем было то, чтобы его ходатайство о возбуждении уголовного дела в отношении Х. было рассмотрено надлежащим образом. Суд отметил, что кроме двух писем, о которых идет речь, заявитель отправил большое количество других жалоб по тому же вопросу, но в них не содержалось никаких клеветнических или оскорбительных замечаний. Областная прокуратура Кошице и Генеральная прокуратура рассмотрели жалобы заявителя и отклонили их как необоснованные.

29. Заявитель подал апелляцию, как от себя лично, так и через своего адвоката. Он заявлял, что целью его обращений было не оскорбление П., а предотвращение дальнейших проволочек в рассмотрении его обращения 1991 г. о совершенном преступлении. Далее заявитель утверждал, что его высказывания, о которых идет речь, не были оскорбительными и не образовывали состава преступления.

30. 24 сентября 1996 г. областной суд Кошице после заслушивания показаний заявителя отклонил его апелляцию и попросил его обосновать свои обвинения.

31. Областной суд пришел к заключению, что в утверждениях, содержащихся в письмах заявителя от 6 декабря 1993 г. и 7 марта 1994 г., тот неоправданно грубо оскорбил прокурора. В частности, в решении говорится, что заявитель не смог обосновать своего утверждения, будто бы Х. заплатил деньги за то, чтобы в его отношении не было возбуждено уголовного преследования, и напоминает, что Генеральная прокуратура не обнаружила ничего незаконного в действиях П. ни в этом, ни в каком-либо ином отношении.

32. Далее областной суд посчитал клеветническими и грубо оскорбительными утверждения заявителя, что прокурор действовал в соответствии с практикой агентов бывшей государственной безопасности, имел темное прошлое, не говоря о других его качествах, и, возможно, считал себя всемогущим владыкой Татрских гор и долины реки Ваг, находящимся «вне досягаемости кого-либо еще».

33. По мнению областного суда, заявитель не смог представить достаточных оснований для такого рода утверждений. Суд не согласился с доводом заявителя, что у него имеются сомнения относительно прошлого и личных качеств прокурора, потому что последний изучал когда-то социалистическое право, не предпринял надлежащих действий по поданному заявителем в 1991 г. обращению о совершенном преступлении и возбудил против него уголовное дело.

34. В своем решении областной суд отметил, что ничто не препятствовало заявителю воспользоваться надлежащими средствами судебной защиты в соответствующих органах за те действия П., которые он считал неправильными или незаконными. В то же время, он указал, что, допустив в своих обращениях клеветнические и оскорбительные замечания, заявитель подверг государственное должностное лицо нападкам в смысле статьи 156 (3) Уголовного кодекса. Областной суд утвердил меру наказания, наложенную на заявителя районным судом.

35. 28 октября 1996 г. Управление 4-го округа Кошице аннулировало действие выданного ранее заявителю разрешения на занятие коммерческой деятельностью, по которому он мог, *в числе прочего*, руководить детективным агентством, на том основании, что заявитель был осужден за совершение преступления. 12 декабря 1996 г. Кошицкое областное управление отклонило апелляцию заявителя на это решение.

36. 4 июня 1997 г. областной суд Кошице отменил административные решения, касающиеся аннулирования выданного заявителю разрешения на занятие коммерческой деятельностью, и передал дело в Кошицкое областное управление. В своем решении областной суд указал, что оба административных органа, принимая решение в низших инстанциях, не смогли представить каких-либо юридических оснований для своих решений.

37. 18 ноября 1997 г. районной суд Требишова издал решение, в котором отмечалось, что, поскольку в течение испытательного срока заявитель не совершил никаких правонарушений, то судимость с него снимается.

38. 1 января 1998 г. в соответствующий закон была внесена поправка, согласно которой лица, желающие руководить частными охранными агентствами, обязаны были получить разрешение в Главном полицейском управлении. Заявитель не стал обращаться за таким разрешением и 3 июня 1998 г. вернул в Управление 4-го округа Кошице свое разрешение на занятие коммерческой деятельностью от 7 января 1993 г., по которому ему позволялось руководить детективным агентством. Между тем, 18 февраля 1998 г. он зарегистрировал в соответствующих органах компанию, которая должна была заниматься другим родом деятельности. При этом заявитель представил свидетельство об отсутствии у него нет судимостей и 6 апреля 1998 г. получил новое разрешение на занятие коммерческой деятельностью.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

39. Статья 156 (3) Уголовного кодекса предусматривает, что лицо, которое делает грубо оскорбительные или клеветнические замечания в отношении государственного должностного лица, связанные с исполнением этим лицом своих должностных обязанностей, наказывается лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом.

ВОПРОСЫ ПРАВА

40. Заявитель жалуется на нарушение его права на свободу выражения в связи с осуждением его за критику действий прокурора, которые он считал противоправными. Он утверждал, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции, предусматривающей, в числе прочего, следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе... для защиты репутации или прав других лиц... или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Наличие вмешательства

41. Никто не оспаривает, что осуждение заявителя за оскорбление государственного должностного лица и вынесение ему наказания в виде лишения свободы, отсроченного исполнением, представляли собой вмешательство в его свободу выражения, гарантированную пунктом 1 статьи 10. Суд не видит оснований для иного вывода.

В. Правомерность вмешательства

42. Вмешательство не противоречит статье 10 Конвенции только в том случае, если оно «предусмотрено законом», преследует одну или несколько правомерных целей, указанных в пункте 2 статьи 10, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей.

1. «Предусмотрено законом»

43. Заявитель настаивал на том, что, поскольку Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс были приняты еще в 1961 г. и, несмотря на внесение в них ряда поправок, соответствующие их положения по-прежнему остаются направленными на притеснение граждан, то осуждение его не может считаться законным.

44. Правительство утверждало, что вмешательство соответствовало статье 156 (3) Уголовного кодекса, действовавшего в указанное время. Оно считало, что время и обстоятельства его принятия не имеют никакого отношения к вопросу о том, было ли такое вмешательство «предусмотрено законом» или нет.

45. Суд отмечает, что вмешательство, о котором идет речь, имело правовую основу, а именно статью 156 (3) Уголовного кодекса, и признает, что применение содержащихся в ней правовых норм к делу заявителя не вышло за рамки того, что можно было бы разумно предвидеть в данных обстоятельствах. Следовательно, вмешательство было предусмотрено законом в смысле п. 2 статьи 10 Конвенции. Что же касается довода заявителя о характере уголовного права в Словакии, то он сводится, по существу, к вопросу о том, было ли вмешательство, вытекающее из применения соответствующего законодательства к настоящему делу, «необходимым в демократическом обществе», т. е. к вопросу, который Суд рассматривает далее.

2. Правомерная цель

46. Заявитель утверждал, что вмешательство, о котором идет речь, не преследовало никакой правомерной цели, поскольку основной его целью было оправдать отказ прокурора, о котором идет речь, дать ход сообщению заявителя о совершенном другим лицом преступлении.

47. С точки зрения Правительства, вмешательство преследовало правомерную цель защиты репутации и прав рассматриваемого прокурора, а также цель обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

48. Суд указывает, что возбужденное в отношении заявителя уголовное дело вследствие его критических высказываний в отношении П. преследовало правомерную цель защиты репутации и прав последнего с тем, чтобы оградить его от необоснованных нападков при исполнении им своих должностных обязанностей как прокурора.

3. «Необходимо в демократическом обществе»

(a) Доводы сторон в Суде

49. Заявитель настаивал на том, что вмешательство не было необходимым в демократическом обществе. Он, в частности, указывал, что его утверждения были оценочными суждениями, которые не поддаются доказательству; что цель их заключалась не в оскорблении государственного должностного лица, а в критике тех его действий, которые он считал неправомерными; и что сам он не публиковал своих писем и не распространял их среди широкой публики. Наконец, заявитель утверждал, что вмешательство было несоразмерным, так как ему было назначено наказание в виде лишения свободы, а вслед за его осуждением было аннулировано его разрешение на занятие коммерческой деятельностью.

50. Правительство утверждало, что в вышеупомянутых письмах заявитель обвинял прокурора в превышении своих служебных полномочий и неправомерных действиях. Однако эти заявления, сделанные вне рамок обсуждения вопросов, представляющих существенный общественный интерес, оказались беспочвенными. Таким образом, обжалуемое вмешательство было оправдано настоятельной общественной потребностью, а именно защитой государственного должностного лица от оскорблений, способных нанести ущерб его правам и репутации. Наконец, Правительство заявляло, что основания, которыми руководствовались национальные суды, были существенными и достаточными, а вмешательство было соразмерно преследуемой правомерной цели.

(b) Оценка Суда

(i) Соответствующие принципы

51. В соответствии с установившейся практикой Суда (см. обзор основных принципов в постановлениях по делам *Яновский против Польши* [GC], № 25716/94, пп. 30 и 33, ECHR 1999-I; *Никула против Финляндии* от 22 марта 2002 г., № 31611/96, пп. 44 и 48, где приведены дальнейшие ссылки), прилагательное «необходимый» в смысле п. 2 статьи 10 подразумевает наличие «настоятельной общественной потребности». Государствам-участникам предоставлена определенная сфера усмотрения в оценке того, существует ли подобная потребность, но она идет рука об руку с европейским контролем, который охватывает как закон, лежащий в основе решения, так и само решение, в том числе и вынесенное независимым судом. Именно Европейский Суд уполномочен давать окончательное определение того, насколько «ограничение» совместимо со свободой выражения, в том виде, как она защищается статьей 10.

52. Осуществляя свою контрольную юрисдикцию, Суд должен взглянуть на оспариваемое вмешательство с учетом обстоятельств дела в целом, включая содержание высказываний, вменяемых в вину заявителю, и контекст, в которых он их сделал. В частности, Суд

должен определить, «соразмерно» ли рассматриваемое вмешательство «преследуемым правомерным целям» и являются ли основания, выдвинутые в его оправдание национальными властями, «существенными и достаточными». При этом Суд должен убедиться в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу.

53. По общему признанию, рамки допустимой критики в отношении государственных служащих при осуществлении ими своих полномочий могут при определенных обстоятельствах быть шире, чем в отношении частных лиц. Однако нельзя говорить, что государственные служащие сознательно оставляют открытым для пристального анализа каждое свое слово и действие в той степени, как это делают политики, и следовательно, что они должны находиться в одинаковом положении с последними, когда речь заходит о критике их действий. Более того, государственные служащие должны пользоваться общественным доверием в условиях защиты от необоснованных нападков, если они намерены и далее успешно выполнять свои обязанности. Поэтому может оказаться нужным защитить их от оскорбительных словесных нападков при исполнении ими своих должностных обязанностей.

(ii) Применение вышеуказанных принципов к рассматриваемому делу

54. Прокуроры являются государственными служащими, задача которых состоит в том, чтобы всячески содействовать надлежащему отправлению правосудия. В этом отношении они являются частью судебного аппарата в широком смысле этого термина. В интересах общества, чтобы они, как и служащие судов, пользовались общественным доверием. Поэтому может оказаться необходимым, чтобы государство защитило их от необоснованных обвинений.

55. Не вызывает сомнений, что в демократическом обществе частные лица имеют право выступать с замечаниями по поводу функционирования, или с критикой системы отправления правосудия и служащих этой системы. Однако такого рода критика не должна преступать определенных границ. Суд признал, что национальные власти в принципе находятся в лучшем положении для того, чтобы обеспечить, в предоставленной национальным властям сфере усмотрения, справедливый баланс между различными интересами, поставленными на карту в такого рода делах.

56. В настоящем деле вмешательство в свободу заявителя выразить свое мнение вытекает из заключения национальных судов, что его утверждения в двух письмах от 6 декабря 1993 г. и 7 марта 1994 г. необоснованно грубо оскорбляют прокурора. Задача Суда состоит в поиске справедливого баланса между соперничающими правами и интересами: правом заявителя на свободу выражения, с одной стороны, и правом прокурора на защиту его личных прав, с другой стороны. В частности, при оценке необходимости оспоренной меры, Суд должен определить, преступили ли национальные суды пределы своего усмотрения при осуждении заявителя, или нет.

57. Хотя высказывания заявителя в отношении профессиональных и личных качеств прокурора, о котором идет речь, могут рассматриваться как оценочные суждения, которые не поддаются доказательству, Суд отмечает, что в вышеупомянутых письмах содержались также обвинения последнего в противоправном и оскорбительном поведении. Так, заявитель утверждал, что прокурор незаконно отказался поддержать его сообщение о совершенном преступлении, злоупотребил своими полномочиями и был в связи с этим

причастен к получению взятки и незаконному прослушиванию телефона заявителя. Данные заявления, с точки зрения Суда, являются утверждениями о факте, и национальные суды справедливо требовали от заявителя подтвердить их соответствующими доказательствами.

58. Однако, национальные суды после изучения всех имеющихся доказательств пришли к заключению, что вышеуказанные утверждения заявителя о факте не имели под собой оснований. Суд не располагает информацией, которая указывала бы на то, что данное заключение противоречит обстоятельствам дела, либо произвольно в какой-либо своей части. Рассматривавшие дело суды надлежащим образом изучили обстоятельства, в которых были сделаны оскорбительные заявления, и вопрос о том, были ли они обоснованы, например, поведением рассматриваемого прокурора. Суд признал, что основания, представленные национальными судами в отношении вышеупомянутых утверждений заявителя, в которых он обвиняет П. в неправомерном поведении и нарушении законов, являются достаточными и существенными.

59. Данные обвинения носят серьезный характер и были сделаны неоднократно. Они были способны нанести оскорбление прокурору, отразиться на исполнении им своих должностных обязанностей, а также, в случае письма, отправленного в Генеральную прокуратуру, нанести ущерб его репутации.

60. По уверениям заявителя, его утверждения имели целью обратить внимание соответствующих органов на действия П., которые он считал неправильными или незаконными. В этой связи Суд указывает, что ничто не препятствовало заявителю воспользоваться надлежащими средствами судебной защиты (см. пп. 28 и 34 выше, а также постановление по делу *Таммер против Эстонии* от 6 февраля 2001 г., № 41205/98, п. 67, где приведены дальнейшие ссылки).

61. Поскольку соответствующие части писем были опубликованы в газете, то вполне очевидно, что они открыли возможность для публичного обсуждения. В этой связи Суд должен принять во внимание, что газетная статья, о которой идет речь, была написана третьим лицом, и что при признании заявителя виновным национальные суды не полагались на эту статью. Однако ущерб, нанесенный прокурору утверждениями о факте, истинность которых заявитель не смог доказать, в немалой степени усугубляется публикацией писем, которой заявитель способствовал хотя бы тем, что предоставил автору статьи соответствующие документы (см. п. 22 выше).

62. В отношении довода заявителя, что вмешательство, о котором идет речь, было несоразмерным, в частности, потому, что вслед за его осуждением было аннулировано его разрешение на занятие коммерческой деятельностью, Суд отмечает, что 4 июня 1997 г. областной суд Кошице отменил соответствующие административные решения как не имеющие юридических оснований. Более того, в своем решении от 8 января 2002 г. о приемлемости настоящей жалобы Суд отклонил претензии заявителя по статье 8 Конвенции в этом отношении, указав, что заявитель не продемонстрировал, что он понес какой-либо ущерб вследствие решений об аннулировании его разрешения на занятие коммерческой деятельностью, и, что, во всяком случае, у него оставалась возможность требовать в этой связи компенсацию согласно Закону 1969 г. об ответственности государственных органов.

63. Хотя наложенное на заявителя наказание - лишение свободы сроком на четыре месяца с отсрочкой исполнения на годичный испытательный срок - и нельзя назвать

незначительным, Суд отмечает, что оно располагается в нижней части шкалы применяемых наказаний.

64. Принимая во внимание вышеуказанные соображения и помня, что национальным властям предоставлена определенная свобода усмотрения по такого рода вопросам, Суд пришел к заключению, что обжалуемое вмешательство не было несоразмерно преследуемой правомерной цели и может считаться «необходимым» в смысле п. 2 статьи 10 Конвенции.

65. Соответственно, нарушение статьи 10 Конвенции места не имело.

По этим основаниям, Суд

Постановил пятью голосами против двух, что нарушение статьи 10 Конвенции не имело места.

Совершено на английском языке; уведомление в письменной форме сделано 11 марта 2003 г., в соответствии с пп. 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Николас БРАТЦА,

Председатель

Майкл О'БОЙЛЬ,

Секретарь

В соответствии со статьей 45 п. 2 Конвенции и правилом 74 п. 2 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается следующее особое мнение сэра Николаса Братца, к которому присоединился г-н Марюст.

Н.Б.

М. О'Б.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СЭРА НИКОЛАСА БРАТЦА,

К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ МАРЮСТ

Мы не можем согласиться с мнением большинства членов Палаты, что права заявителя по статье 10 Конвенции в настоящем деле нарушены не были. С нашей точки зрения, судебное преследование заявителя и вынесение ему наказания в виде лишения свободы за оскорбление прокурора П. не являлось ответом на настоятельную общественную потребность и не было соразмерно никакой правомерной цели.

Как и большинство членов Палаты, мы согласны с тем, что оспариваемые утверждения носят серьезный характер, ибо П. обвиняется в них в превышении своих должностных полномочий прокурора, и, более того, ему даже вменяется в вину получение взятки. Мы согласны также с выводами национальных судов, что истинность обвинений не была доказана заявителем, а сами они были оскорбительны по отношению к П.

Однако, в отличие от большинства членов Палаты, мы придаем первостепенное, если не решающее, значение тому факту, что оспариваемые утверждения, ставшие предметом судебного преследования, не были сделаны заявителем средствами массовой информации и не распространялись им каким-либо иным образом среди широкой публики, а содержались в двух письмах, первое из которых было адресовано лично П., а второе - Генеральному прокурору как наивысшему по рангу начальнику П.

В ряде дел Суд уже отмечал (см., в частности, постановления по делам *Яновский против Польши* [GC], № 25716/94, ECHR 1999-I; *Никула против Финляндии* от 22 марта 2002 г., № 31611/96), что может оказаться нужным защитить государственных служащих при исполнении ими своих должностных обязанностей, в том числе прокуроров, от оскорбительных, ругательных и клеветнических нападок, рассчитанных на то, чтобы оказать на них воздействие при исполнении ими своих должностных обязанностей и нанести ущерб доверию общества как к ним самим, так и к занимаемым ими должностям. Однако во всех указанных делах речь шла о письменных или устных нападках, которые были сделаны публично, а не о таких, как в настоящем деле, которые имели место в частной корреспонденции государственному служащему, и нам представляется, что нельзя применять к ним те же самые соображения. Не только границы допустимой критики в отношении государственного служащего шире, чем в отношении частных лиц, но и государственные служащие должны быть готовы терпимо относиться к такого рода критике, когда она адресована лично им в частной переписке, даже если такая критика состоит из оскорбительных, крепких или невыдержанных выражений, либо содержит серьезные и безосновательные обвинения. В тех случаях, когда, как в данном случае, обвинения содержатся в письме личного характера, адресованном государственному служащему, обращение к уголовному преследованию может быть оправдано в понятиях статьи 10 Конвенции только в самых исключительных обстоятельствах. Мы не находим таких особых обстоятельств в настоящем деле.

То же самое верно и по отношению к утверждениям, содержащимся в письме к Генеральному прокурору. Как вышестоящий начальник П. по служебной лестнице, Генеральный прокурор был, по нашему мнению, надлежащей инстанцией для получения жалоб по поводу того, как П. исполняет свои должностные обязанности, и, в особенности, для проведения, как просил его заявитель, расследования по факту предполагаемой дачи и получения взятки. В принципе, у частных лиц должна оставаться свобода подавать жалобы на государственных служащих их начальникам по иерархической лестнице, не опасаясь судебного преследования за диффамацию или оскорбление, даже если такие жалобы содержат обвинения в совершении уголовного преступления, и даже если расследование покажет беспочвенность выдвинутых обвинений.

Верно, что в настоящем деле содержание двух писем стало достоянием общественности, когда значительные выдержки из них были воспроизведены в статье о деле заявителя, написанной третьим лицом. Кроме того, заявитель признал, что соответствующие документы автору статьи предоставил именно он. Однако, с нашей точки зрения, в конкретных обстоятельствах данного дела это не имеет значения. Обвинение в оскорблении П. было предъявлено заявителю в июне 1994 г., еще до опубликования статьи, и основывалось исключительно на письмах заявителя от 6 декабря 1993 г. и 7 марта 1994 г. Более того, ни на одном из этапов уголовного судопроизводства в отношении заявителя ни в районном, ни в областном суде не было придано никакого значения тому факту, что рассматриваемые утверждения стали достоянием общественности посредством газетной статьи, как не было упоминаний об их публикации и в решениях обоих судов, а обвинительный приговор в отношении заявителя и вынесенное ему наказание базировались исключительно на двух написанных им письмах.

С нашей точки зрения, в данных обстоятельствах имело место необоснованное вмешательство в осуществление заявителем свободы выражать свое мнение.

© *Перевод Института проблем информационного права (г.Москва), 2003*